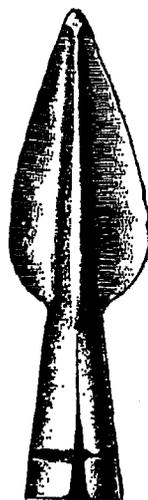
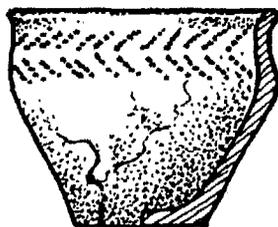

ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ
НАЦІОНАЛЬНОЇ АКАДЕМІЇ НАУК УКРАЇНИ

Сучасні проблеми археології

КИЇВ—2002

Сучасні проблеми археології / Збірка наукових праць.—
К., 2002.— 260 с.

Збірку присвячено пам'яті видатного археолога другої половини ХХ ст. Володимира Федоровича Генінга. Тематика відображає широту інтересів вченого — від палеоліту до середньовіччя, а також напрями його діяльності — теорія й методика археологічних досліджень, реконструкція історичного процесу.

Для археологів, істориків, студентів та аспірантів гуманітарних факультетів і всіх, хто цікавиться історією Євразійських просторів.

Наукове видання

Затверджено до друку Вченою радою
Інституту археології НАН України

Рецензенти: д. і. н. *МУРЗИН В. Ю.*
д. і. н. *ІВАКІН Г. Ю.*

Книга видана за фінансової підтримки
Міжнародного благодійного фонду «Скарби Русі—України»

Редакційна колегія:
чл.-кор. НАНУ *Крижанецький С. Д.* (відповідальний редактор),
к. і. н. *Пачкова С. П.*, к. і. н. *Булятян К. П.*, к. і. н. *Абашина Н. С.*

ISBN 966-02-2378-1

© Інститут археології
НАН України

дававшаяся под редакцией В. Ф. Генинга серия тематических сборников по теории и методике археологических исследований в совокупности с целой серией монографических исследований по этой проблематике, написанных как самим Владимиром Федоровичем, так и в соавторстве со своими учениками, во многом предопределили характер и направленность исследований в области теории археологии в последние десятилетия XX ст., оказав серьезное влияние и на подготовку кадров археологов.

Не лишним будет подчеркнуть, что в значительной степени именно разработкой теоретических проблем археологии диктовались и обращения В. Ф. Генинга к разработке историографии археологии (Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов. — К., 1982; Генинг В. Ф., Левченко В. Н. Археология древности — период зарождения науки. — К., 1992 и др.), включая оценку становления в стране и мировой науке социоисторического научного направления, которое, по моим представлениям, более оправдано именовать научноисторическим.

Голдина Р. Д. (Ижевск)

ВСПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА ГЕНИНГА

Многое в моей жизни, как мне кажется, определялось случайностью, а может быть, судьба вела меня по своим законам, постепенно складывая из мозаики случайностей целостную картину. В школьные годы я даже не подозревала о существовании археологии. Имела весьма смутные представления о раскопках на Древнем Востоке, в Греции. И в мыслях не было заняться этим делом. Я выросла в селе Пермской обл. После окончания школы поступила на исторический факультет Пермского университета, где заинтересовалась археологией.

Весной 1962 г., заскочив в кабинет археологии ПГУ, я застала не совсем обычную картину: наши руководители — В. А. Оборин, А. Д. Вечтомов, Ю. А. Поляков были радостно возбуждены, разговаривая с незнакомым мне, симпатичным мужчиной. Красивое, волевое лицо, серо-синие глаза, черные волнистые волосы, выразительный излом бровей и характерный рисунок губ. Как сообщила Ирина Сергеевна Поносова, лаборант кабинета: это Владимир Федорович Генинг. Он только что переехал в Свердловск и формирует команду. Ему нужны помощники — лаборанты и аспиранты. Поскольку все наше руководство и В. Ф. Генинг учились примерно в одно время и вышли из школы О. Н. Бадера, чувствовалось, что они рады приезду и встрече с ним.

Он пробыл совсем недолго. Посмотрел наши курсовые работы, мельком — на нас и уехал. Спустя некоторое время В. А. Оборин передал мне его приглашение: перевестись для завершения образования в Свердловск, а потом — учиться в аспирантуре у В. Ф. Генинга. Владимир Федорович не давал времени на размышления, звонил, писал. И я приняла решение в пользу его и археологии. Нельзя сказать, что оно было вполне осознанным, скорее интуитивным. Но, приняв его, уже обратного хода не было.

В Свердловске у меня начались сложности. Пермская школа теоретически готовила неважно. Я ощутила себя редкой невеждой, не знавшей многих элементарных вещей и, хотя В. Ф. Генинг был ко мне снисходителен, пришлось

заниматься много и настойчиво. После освоения значительной литературы, я начала кое-что понимать не только в полевой археологии, но и в самой науке. Появилась уверенность, что я кое-что знаю. Оценив мое трудолюбие, В. Ф. Генинг до окончания учебы взял меня лаборантом кабинета с жалованьем 76 руб. Если учесть, что стипендия была 28 руб., это были для меня большие деньги, и я смогла уже уверенно отказаться от помощи родителей. Но приходилось работать с 8 до 20 час. Он сам работал очень много и не щадил других.

Владимир Федорович был талантливым педагогом. Он очень любил воспитывать и обучать молодых людей. И у него это прекрасно получалось. Люди хотели учиться у него, и все, что он знал, он с открытой душой старался отдать.

Помню наши сборы на Логиновское городище. Отряд большой — около 150 чел. Всех надо обеспечить палатками и спальниками. Я отвечаю за это. Приходят обаятельные математики — Сережа Баутин и Игорь Коряков. Говорят, неужели нам не хватит спальников? Глядя в их красивые глаза, даю спальнику — да не волнуйтесь, что-нибудь найдем, имея в виду огромную гору спальников, которая числилась за мной. Но по приезде В. Ф. Генинг дал команду, которой не подчиниться было нельзя, — сначала выдать спальники практикантам, а потом — сотрудникам. С огорчением вижу, как гора спальников тает, их получают худенькие девчущики-практикантки. И в итоге — моим любимчикам — ничего не досталось. В. Ф. Генинг говорит: «Римма! Доброта бывает разная. От одной страдает только один человек — Вы. Но бывает и другая — когда Вы, должностное лицо, не смогли выполнить обещание. Это ложная доброта. Я хочу, чтобы никогда в жизни Вы не испытывали подобной неловкости. Помните, лучше отказать сразу, чем потом рисковать комфортом и здоровьем других».

От Владимира Федоровича я усвоила и другие жизненные правила. Я понимаю, что это не его изобретение, но он их творчески переработал и внедрил в сознание учеников. «Любое дело сделать сам может и дурак, а вот организовать других на дело нужен талант». Или: «Когда идете на прием к начальству с какой-то проблемой, надо иметь несколько вариантов решения — не проходит один, предлагайте другой, третий и наверняка чего-нибудь добьетесь».

В. Ф. Генинг умел быть очень обаятельным и нравился многим женщинам. Но следует сказать, что он этим не злоупотреблял. Он увлекался своими учениками и ученицами, периодически выделяя то одного, то другого. Но никогда эта привязанность не переходила границы дозволенного. Более того, он очень активно боролся с проявлениями распущенности. Однажды он повез студентов на практику в Пенджикент. И там первую ночь одна из сумасбродных девиц провела в палатке у местного водителя. Узнав об этом, В. Ф. Генинг устроил показательный разнос и немедленно отправил ее домой.

Логиновское городище VI—VII вв. н. э. было первым памятником, на котором я увидела, как работает в поле В. Ф. Генинг. Уже в первый полевой сезон 1963 г. Владимир Федорович доверил мне самостоятельные работы. В. Ф. Генинг старался как можно лучше и быстрее познакомить меня с памятниками разного типа и времени. В 1964 г. он дал мне возможность исследовать неолитические полуземляночные жилища возле д. Кокуй Абатского р-на Тюменской обл. Казалось бы, это очень далеко от моих научных интересов, но он считал, что настоящий исследователь должен быть универсалом и уметь копать все. И я, по его настоянию, не только копала, но и анализировала этот материал, влезала в незнакомую проблему, читала литературу и пыталась сделать что-то свое. В этом же году я проводила раскопки на городище Кучум-гора в Ишимском р-не той же области, на котором был слой эпохи бронзы, а также XV—XVI вв. — времени сибирского ханства.

Летом 1965 г. В. Ф. Генинг доверил мне руководство огромными работами на городище Большой Лог в окрестностях Омска. Отряд в 120 чел. разместился возле городища, на берегу небольшой речки Омь, притоке Иртыша. Начальник отряда — я и все заботы по быту и организации работ на мне.

В. Ф. Генинг рядом — в городе, в гостинице, но каждый день появлялся на раскопе.

Городище небольшое — около 6000 кв. м, но за месяц мы раскопали почти его треть (1625 кв. м). Это был первый случай в моей практике столь больших работ. Было заложено девять раскопов, на каждом был ответственный — студент. За мной — общее руководство, означающее ответственность за все. Лето было тяжелое, жаркое, питьевую воду возили из города. Когда приезжал В. Ф. Генинг, становилось совсем жарко. Он обходил все раскопы, наблюдал за процессом, проверял чертежи и описания и достаточно жестко указывал на недостатки. У него была такая манера: садился на стул, раскладывал простыню с чертежами и начинал спрашивать: «А это что у Вас?», «А это почему здесь не закончено? А эта линия почему не завершена?» и т. д. Вопросы задает не мне и выговаривает не мне, а начальнику раскопа. Но я то знаю, что это мои упущения. И так на каждом раскопе. Большой Лог был для меня суровой профессиональной школой. Стало очевидным, что на одного научного сотрудника должно приходиться при раскопках поселений не более семи рабочих, иначе он не будет успевать следить за ними и все фиксировать. На могильниках соотношение примерно то же, но там больше возможность маневра — много людей можно задействовать на снятии верхнего слоя, не содержащего культурных остатков.

В. Ф. Генинг был талантливым полевиком, он всегда большое внимание уделял строгой выверке разрезов слоя. Он научил меня понимать слой, видеть его малейшие оттенки и особенности. Большой Лог был сложным памятником. За месяц раскопали 30 жилищ, 44 ямы различного характера и огромное число материала трех эпох: поздней бронзы, раннего (VI—VIII вв.) и позднего средневековья (сер. II тыс.). Разобраться в этом хитросплетении слоев, сооружений, построек было непросто. Но помогало то, что керамика каждой эпохи была настолько своеобразной, что идентифицировать слои и сооружения было довольно легко.

В. Ф. Генинг формировал из меня руководителя очень быстрыми темпами. В 1967—1968 гг. он проводил большие раскопки возле с. Черноозерье Омской обл. Отряд около 200 чел. Без машины не обойтись — нужны продукты, дрова, вода. К тому времени у него было довольно много молодых, энергичных людей, в том числе и мужского пола. Но он считал, что с машиной из Свердловска до Омска и дальше — до Черноозерья (около 1000 км) должна ехать только я. Раз он так считает — какие проблемы? Всего трое суток на открытой машине. Я, конечно, в кузове — не дай бог, пропадет что-то из груза. В итоге после трехдневного пребывания на солнце и ветре моя физиономия стала не только красной как помидор, но и болезненной, как открытая рана. Положение спасла Тамара Карповна — жена Владимира Федоровича. Увидев меня, когда я докладывала ему обстановку в их четырехскатной армейской палатке, она сказала: «Римочка! Ты ужасно обгорела. Я знаю народное средство. У меня есть простокваша. Ты ею мажь лицо как можно чаще и к утру все пройдет». Простоквашей Тамары Карповны я и спаслась, к утру действительно все прошло.

Тамара Карповна — красивая женщина — армянка, настоящая царица Тамара, с карими глазами, черными, изящного рисунка бровями и длинными густыми волосами. Не случайно В. Ф. Генинг женился в 20 лет. Она редко ездила в экспедицию, но в Черноозерье была. Может быть, потому, что здесь же была их дочь Мила и сын еще школьник — Володя, оба стали кандидатами исторических наук, доцентами. А может быть, потому, что Владимир Федорович уже почувствовал сбой в работе желудка, еду для него готовила Тамара Карповна. Вообще он всегда говорил: «Мой желудок переварит гвозди», не щадил себя, ел, что попадя и нерегулярно. Он очень любил яйца, мог съесть за один раз до 10 шт. Но пришло время, и жизнь заставила быть внимательнее к себе.

Каждое воскресенье, поскольку В. Ф. Генинг был помешан на обучении студентов, мы выезжали на новые памятники. Нормальные студенты в воскресенье наслаждались жизнью: загорали, купались, спали и т. д. Ненормаль-

ных — специализирующихся в археологии, поднимали в 6 утра, загружали в машину и везли, чтобы посмотреть известные или открыть новые памятники. Поездки эти были очень результативными, мало того, что готовился плацдарм для будущих работ, но и для будущих археологов возможность увидеть новые памятники быстро формировала опыт, который не могли заменить никакие картинки, рассказы и описания.

В октябре 1971 г. я защитила кандидатскую диссертацию «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» и начала кое-что понимать в этой проблеме, и мне казалось, что еще год-два, получив дополнительно некоторые материалы, я смогла бы закончить монографию на эту тему. Но В. Ф. Генинг считал иначе: с ломоватовым все ясно, доделать еще успеете, начинайте работать в Сургуте. Сейчас я понимаю, что В. Ф. Генинг, как всегда, был прав. Работы в Сургуте позволили на качественно новый уровень поставить западносибирскую археологию, и, оказавшись я там, это дало бы мне новый импульс в понимании проблем древней финно-угорской истории. Но это означало бы для меня конец активной работы в Прикамье. Поэтому, получив приглашение от проф. В. Е. Майера на преподавательскую работу в Ижевск — в Удмуртский университет, я после коротких раздумий согласилась. Это означало разрыв с В. Ф. Генингом, что и произошло. К чести В. Ф. Генинга, он понял причины, двигавшие мной, и, встретившись со мной через 3,5 года в Ленинграде, разговаривал уже без обиды, мы много общались, спланировали несколько совместных проектов, и наша дружба и взаимопонимание были восстановлены.

После восстановления мира с В. Ф. Генингом мы неоднократно встречались в Киеве, Ижевске. Он несколько раз приезжал к нам читать спецкурсы, обкатывая на них свои новые теоретические идеи. В общем наше сотрудничество продолжалось до его преждевременной кончины.

Пустовалов С. Ж. (Киев)

ВКЛАД В. Ф. ГЕНИНГА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Главной заслугой отечественной археологии советского периода является превращение археологии из источниковедческой науки в науку историко-социологического плана. Работы представителей социологической школы (В. И. Равдоникас, А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, С. Н. Бибииков и др.) положили начало этому процессу. Внедрение в археологию подходов исторического материализма стало катализатором развития интерпретативной археологии не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Г. Чайлд и его последователи, культурантропологическое направление в целом, представители «новой» или процессуальной археологии во многом шли близким путем. Для этого направления характерно тесное сотрудничество между археологией, этнографией, историей, социологией, новой географией и другими антропологическими науками. Видное место в развитии этого направления занимает деятельность В. Ф. Генинга.

Формирование В. Ф. Генинга как ученого приходится на годы «оттепели». В пятидесятые годы переводятся на русский язык многие работы Г. Чайлда, других видных западных археологов. В журнале «Советская археология»